

И как развитие города заменено описанием городов, так и развитие литературы и искусства заменено описанием жанров. Вместо проблемы «Человек в византийском искусстве и литературе» (а именно она должна быть предметом культурологической трактовки прежде всего), вместо анализа эволюции художественных приемов и средств мы найдем у Гийу параграф о литературной продукции (с. 334—360), причем слово «литературный» пренебрежительно берется в кавычки; в этом параграфе перечисляются — вне временной связи — разные жанры: экзегеза, аскетические наставления, роман, история, риторика, философия, поэзия и т. д. Но что дает такой каталог для понимания отношения византийцев к миру, их самосознания? А ведь именно этот принцип положен самим Гийу в основу его анализа.

Когда Краузе отказывался от изображения культурной и бытовой эволюции Византии, это, как мы видели, отвечало его общей историко-философской концепции. Аналогичное вневременное построение византийской культуры у Гийу, напротив, противоречит тому новому подходу к византийской цивилизации, который отличает книгу французского ученого. Византия представляла собой особый культурный феномен, особую цивилизацию, но эта цивилизация не была неизменно однородной: она прошла определенные этапы, имевшие собственное лицо, — империя Проловов была не просто меньше Средиземноморской империи, но поднимала иные культурные проблемы и решала их иными средствами.

Краузе не мог ставить вопрос о социокультурном развитии Византии еще и потому, что в его время доступный науке круг фактов был ничтожно мал. Теперь мы стали куда более богатыми. Проблема развития встает при изучении самых разных сторон византийской жизни — от социальных отношений до книжной миниатюры. Остается выяснить, было ли это «частное» развитие, наблюдаемое в разных социокультурных сферах, независимым или мы имеем дело с закономерными и взаимосвязанными процессами, знаменующими переход от одного этапа к другому.

А. П. Каждан

**Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма.** Киев, 1974, 216 с.

Средневековая Таврика остается до сих пор слабо изученной страной, особенно ее южные районы, наиболее заселенные в древности, а ныне наиболее застроенные; археологическое исследование их поэтому сильно затруднено. Появление сборника статей, содержащих материал, добытый раскопками, производившимися здесь свыше 10 лет (1957—1968), вызывает, естественно, большой интерес, тем более что материал этот весьма разнообразен: он включает и сельские поселения, и крепости, и культовые постройки, и массовую керамику — бытовую и строительную. Авторы статей стремятся исторически осмыслить этот материал: они ставят значительные и глубокие проблемы.

Сборник состоит из двух неравных частей: первая (7 статей) названа «Археологические исследования», вторая (4 статьи) — «Свидетельства источников». Статьи первого раздела основаны на впервые публикуемых археологических материалах, добытых раскопками преимущественно в южнобережной Таврике. Статьи второго раздела посвящены Солхату и Кафе генуэзских времен, и только одна — более раннему времени: «восстанию Иоанна Готского», т. е. событиям конца VIII в.

Самой крупной в первом разделе является статья О. И. Домбровского «Средневековые поселения и „исары“ Крымского Южнобережья» (с. 5—56). Работа охватывает обширный район от Ласпи до Алушты, где на протяжении 1957—1968 гг. работала экспедиция Института археологии АН УССР. В статье приводятся краткие описания, схемы планировки средневековых поселений, крепостей и пр. Материал этот — наиболее существенная часть статьи О. И. Домбровского, содержащая немало вновь открытых памятников; к ним относится укрепление Алушты, поселения в Ласпиинской долине, в районе Симеиза с монастырем Панеа (где открыт мозаичный пол), монастырь на горе Ай-Тодор, замок на горе Хачла-Каясы, укрепление Исар-кая над Гаспрой, храм в верхней Массандре и др.

Однако ценность публикации этого материала значительно снижается в силу следующих обстоятельств:

1) памятники изданы в слишком схематических чертежах, не позволяющих судить о деталях;

2) датировка привлекаемого материала — поселений, крепостей, монастырей — лишь декларирована и почти нигде не обоснована. При этом даты нередко даются в столь широких пределах, что вообще лишаются смысла. Так, храм в монастыре Панае отнесен к X—XIII вв. (с. 28), одноэтажное здание на сторожевом городище Исар-кая — к X—XII вв. (с. 31), большой одноапсидный храм на вершине Ай-Годора — к XII—XV вв. (с. 42). Дата протяженностью в три-четыре столетия отнюдь не помогает пониманию памятника, тем более, что автор оставляет читателя в неведении, относится ли эта трех-четырёхвековая дата к возникновению памятника или охватывает весь период его существования. У читателя создается впечатление, что автор просто не находит достаточных аргументов для более определенной датировки памятников. Пытаясь датировать церковь в с. Фуны, автор говорит об «армяно-малоазийских, восточно-византийских элементах» сооружения (с. 44, см. также с. 113—115). На самом деле — это поздняя (скорее всего, XVII в.) постройка, эклектически сочетающая в себе различные местные и малоазийские элементы в позднейшей переработке. Абсолютно ничего армянского и византийского в здании и его декоре нет. Многие памятники оставлены даже без самой общей датировки, так что читателю остается гадать, с каким историческим материалом он имеет дело. Таковы, например, средневековые поселения в районе Алушты «с керамическим материалом и кузнечными мастерскими» (с. 43). Вне времени рассматриваются и некоторые исторические явления. Так, на с. 50 говорится об орудиях труда и занятиях населения — о земледелии, скотоводстве, виноградарстве, ремеслах; находки сопровождаются монетами, сведения о происхождении и датировке которых в статье отсутствуют.

Однако отсутствие конкретных и обоснованных дат памятников, иначе говоря, отсутствие определенной хронологической канвы, не мешает автору довольно свободно оперировать этими в сущности неопределёнными памятниками, классифицировать их, строить различные схемы и в результате делать далеко идущие исторические заключения о процессах феодализации Таврики.

Недостаток этот, на наш взгляд, наиболее существенный: произвольные заключения способны внести только путаницу в представление об истории Таврики. Особенно показательны в этом отношении рассуждения на с. 47 и 50. Автор пишет об иерархии социальных верхов «средневековой Таврики»: во главе свободных сельских общин стояли «димогогеронты» («нечто вроде» коллегии старейшин), наряду с ними — некие «протосы» («нечто вроде старосты»), связанные с генуэзскими властями. Выше стоят «тимариоты» — землевладельцы («очевидно, среди них имелись и хозяева зависимых крестьян»). Рядом с ними автор ставит топархов и архонтов — «представителей служилой знати — начальников крепостей и гарнизонов». «Все это, по-видимому, было подчинено номинально византийским властям, а на деле, особенно после катастрофы 1204 г., „господину Феодору“ — бывшему „господину Дороса“ и архонту фемы Климагов, который с начала XIII в. сменил здесь византийского стратига».

Надо сказать, что весь этот пассаж полностью лишен каких-либо ссылок на источники. Автор ограничивается намеком на то, что термины эти относятся к генуэзским временам, т. е. к XIV—XV вв., но в таком случае излишним оказывается упоминание о «византийской власти», которая, если и существовала после русско-византийской войны конца X в., то лишь очень недолго, а с возникновением княжества Феодоро во главе с Гаврасами (не позднее XII в.), и вовсе перестала ощущаться в Таврике<sup>1</sup>. Совершенно произвольна и ссылка на фему Климагов, которая во времена генуэзцев вообще не упоминается — очевидно, она уже не существовала. Что касается приведенных социальных терминов, то тут у автора — полная пута-

<sup>1</sup> Об отпадении Таврики от Византии в XII в. см.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму. — ИГАИМК, V, 1927, с. 273—275; *Яковсон А. Л.* Средневековый Херсонес XII—XIV вв. М., 1950 (МИА, № 17), с. 28—29.

пнца. Прежде всего, «димогогеронты» (знатные) — термин городской и к деревне вряд ли имеет отношение. Означает он главарей так называемых димов, во времена генуэзцев уже не существовавших. Не имеет отношения к этому времени и протевон: источники XIV—XV вв. его не знают. Термин же «тимариот» относится, наоборот, к более позднему времени — времени Османской империи, к XV и следующим векам. Тимариоты — это владельцы (или, вернее, держатели) «тимаров», раздававшихся султаном с обязательством участвовать в походах во главе снаряженных всадников, число которых зависело от доходов, получаемых с тимаров. Как видим, О. И. Домбровский искусственно соединил самые различные термины и события разных времен, что отнюдь не способствует пониманию истории Таврики.

Далее следует классификация жилищ, раскопанных экспедициями автора в южной Таврике (с. 51—54). Однако и она лишена хронологии, а тем самым и историчности. Автор глухо говорит о «самых ранних поселениях», о поселениях «более поздних» (с. 51). Лишь относительно «паутинообразных» поселений (термин, конечно, условный, но мы не назвали бы его удачным) говорится, что они начали формироваться в XI—XII вв. (с. 53), однако, и здесь отсутствует обоснование датировки. Некоторые из таких поселений приобрели ремесленный характер и «даже почти городской облик» (там же). Далее перечисляются Тепсень, Алустон, Горзувиты, Эски-кермен, Мангуп, т. е. поселения, возникшие в раннее средневековье, но прекратившие существование в разное время. Раннесредневековый период существования большинства из них — Алустона, Горзувит да и Мангупа — остается малоисследованным, поэтому объединение их в одну группу не вносит ясности. К тому же непонятно, в чем автор видит указание на «многоэтничность» жилищ (с. 51): это осталось в статье без всякого разъяснения. Между тем многоэтничность поселений в эпоху зрелого и позднего средневековья — в эпоху сложения единой средневековой народности в Таврике — вообще маловероятна.

По мнению автора, публикуемый им материал раскопок поселений и крепостей «в сумме дает наглядное представление о том, каким образом в Таврике начиная с X—XI вв. происходило вытеснение родо-племенного уклада непрерывно формировавшимися феодальными отношениями» (с. 54). Вполне вероятно, что в X—XI вв. процесс этот действительно имел место, но автор исходит лишь из самых общих соображений, а не из археологических фактов, ибо сам материал статьи большей частью так и остался в хронологически неопределенном и расплывчатом виде, т. е. лишенным качества исторического источника.

Далее в работе говорится: «Нашествие хазар и иконопочитательская иммиграция окончательно направили Таврику на путь феодального развития. После того, как прекратилось хазарское владычество, процесс этот непрерывно усиливался» (с. 54). Роль хазар в жизни Таврики автор, нам кажется, сильно преувеличивает (см. об этом ниже). Еще меньше оснований говорить о массовой «иконопочитательской иммиграции» монахов, бежавших из центральных областей Византии в разные страны, в том числе и в Таврику, о чем упоминает Житие Стефана Нового, о созданных ими в VIII—IX вв. в Таврике «укрепленных монастырях» (с. 55). Это совершенно произвольный тезис, ни на каких фактах не основанный (подробно об этом см. ниже, в связи со статьей И. Баранова).

В статье Е. Паршиной «Средневековая керамика южной Таврики» (с. 56—94) публикуется обширный материал по гончарному ремеслу из раскопок О. И. Домбровского. Особенно важны многочисленные знаки на черепицах из раскопок укрепленных и монастырей. Интересны находки грушевидных амфор типа VIII—IX вв., производившихся в печах, открытых в районе Ливадии и в самой Ялте (с. 59) и вполне аналогичных изготовлявшимся в Чабан-куле и в Канакской балке (в двух вариантах — более крупном и меньшем). Факты существования этих печей расширяют наши представления об определенном экономическом подъеме южнобережной Таврики (до сих пор была известна лишь печь того же времени в Мисхоре, открытая и раскопанная В. П. Бабенчиковым). Но затем, видимо, и здесь наступил перерыв. По крайней мере, массового материала, типичного для IX—XI вв., на южном берегу Крыма крайне мало: не встречаются здесь ни типичные для этого времени амфоры, столь многочисленные в Херсоне (Херсонесе), почти нет находок привозной (из Византии) белоглиняной поливной керамики X в. и византийской полив-

ной посуды XI в. (на незначительность этих находок указывает Е. Паршина — с. 65). Автор отмечает наличие и позднесредневековых плоскостонных амфор, известных в Херсоне и Эски-кермене. Однако, в работе уделено мало внимания большим амфорам с горизонтальными ручками (с. 63 и рис. 7), поздняя дата их (XIII—XIV вв.) осталась нераскрытой.

Мы не можем согласиться с некоторыми предлагаемыми Е. Паршиной датировками поливной керамики. Чашу № 4 со светло-красным черепком (с. 69 и рис. 9, 3) вернее отнести к XI, если не к XII в. Тонкое сграфито появляется в Византии также только в XI в., поэтому тарелка № 6 (с. 69—70) — не ранее этого времени. Миски с вертикальным бортом вряд ли можно отнести к XIII в. — вернее их датировать XIV—XV вв. К сожалению, не иллюстрирована керамика с извилистыми прожилками «под мрамор» (с. 73); неясно поэтому, о чем идет речь (думаем, что это керамика, скорее всего, XV—XVI вв.).

Обратимся к черепицам и к знакам на них. Конечно, на многие, наиболее существенные вопросы, которые возбуждает анализ черепиц с их многочисленными знаками, сейчас еще не может быть дан полный и бесспорный ответ. Тем более непростительно оставлять без внимания две печи, открытые экспедицией и предназначенные, по словам автора, специально для обжига черепиц, — в Батилимане и Чабан-таше (в Ласпинской котловине) (с. 81). Печи только упомянуты в тексте, не приводится ни их описание, ни чертежи, ни фотографии. Ничего не сказано и о материале, который помог бы датировать печи. Между тем датировке черепиц с их знаками автор уделяет немало места (с. 79—81).

Е. Паршина, следуя за другими исследователями, отмечает две основные группы черепиц: 1) со светло-красным черепком, большей частью с треугольным в сечении бортиком и знаками, отличающимися тонкой рельефной линией; 2) с темно-красным крупнозернистым (комковатым) черепком, массивными бортиками и со знаками, образованными широкими сильно рельефными линиями. Оба типа черепиц резко отличаются друг от друга. Однако в верхнем слое Херсона они часто встречаются совместно. Отсюда Е. Паршина заключает, что оба типа одновременны. А так как они охватывают вообще большую часть средневековых черепиц Таврики, то вопрос о хронологической классификации их и, соответственно, знаков на них практически отпадает: все они, по мнению автора, — одного времени.

При этом игнорируется тот хорошо известный факт, что в нижележащих слоях Херсонеса, особенно в слое X в., т. е. в слое времени подъема Херсона и интенсивного строительства в городе, находят только черепицы второго вида, который, следовательно, древнее первого<sup>2</sup>. Черепицы первого типа в слоях X в. не встречаются. Однако в статье об этом ничего не говорится.

Далее, вызывает удивление вывод автора, что в Херсоне, да и во всей Таврике, одновременно употребляли два абсолютно различных типа черепиц. Ничего подобного не наблюдается ни в одной отрасли материальной культуры ни в античную, ни в средневековую эпохи. Доказательство единой поздней даты для столь различных видов черепиц автор видит в «надежно датируемой поливной или другой равноценной в этом отношении керамике» (с. 80). В качестве примера Е. Паршина приводит поселения в Ласпи и Ореанде (с. 80 и 89). Но в Ласпинской котловине (где, кстати сказать, и открыты черепицеобжигательные печи) известно немало обследованных в свое время автором этих строк поселений и VIII—IX вв., которые были тесно связаны с соседней Байдарской долиной и районом с. Поляна (бывш. Маркур), переживавших экономический подъем именно в то время<sup>3</sup>. Оттуда, из разрушенных построек, и могли быть взяты более древние черепицы. Да и сама Е. Паршина на с. 81 и 86 приводит без всяких оговорок более ранние даты черепиц второго типа, в свое время предлагавшиеся мной и Д. Л. Талисом (IX—X вв.). Черепицы храма в Панеа в Симеизе также отнесены к более раннему времени (IX—X вв.) (с. 28 и 81, рис. 27).

<sup>2</sup> Кстати, только второй тип черепиц обнаружен и при раскопках двух черепицеобжигательных печей на северном берегу Херсонеса, относящихся к XI в. См.: *Якобсон А. Л.* Указ. соч., с. 153—164.

<sup>3</sup> *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. Л., 1970 (МИА, № 168).

В действительности совместная находка в Херсонесе двух контрастно различающихся типов черепиц легко объясняется вторичным и массовым использованием более древних целых черепиц в позднесредневековую эпоху, когда город сократился и явно нищал<sup>4</sup>. Поэтому в то время широко использовались дорогие черепицы, еще пригодные для кровли. Однако автор по непонятной причине отрицает такое объяснение (с. 79).

Е. Паршина касается также вопроса о значении рельефных знаков на черепицах. Она видит в них обозначение «различных партий изделий», причем «отдельные метки могли являться одновременно и знаком заказчиков» (с. 91). С этими заключениями едва ли можно согласиться. На черепицах, покрывавших одну и ту же кровлю, обычно наблюдаются самые различные знаки, в том числе и знаки, состоящие из раздельно начертанных букв и знаков. Наиболее логичной представляется трактовка рельефных знаков, вырезанных на формах-матрицах, как знаков ремесленников. Однозначные знаки, вырезанные на разных формах, принадлежали, очевидно, одной мастерской.

Ценность статьи Е. Паршиной не в произвольных заключениях, а в публикации очень интересного и исторически важного материала.

Следующая статья сборника принадлежит Л. В. Фирсову — «Археологические разведки на Исар-кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г.» (с. 94—108). Более подробное описание этих памятников автор дал в своей ранее опубликованной брошюре<sup>5</sup>.

Нет сомнения, что тема статьи — средневековая дорога из Байдарской долины на южный берег — интересна и значительна. Автор дает и общие планы дороги, и планы укрепления на Исар-кая, господствующего над дорогой. Мы, однако, продолжаем считать, что правильнее эту дорогу называть тропой: ее длина всего 220—230 м, ширина, как указывает автор, 1,5 м; искусственные сооружения дороги лишь «отдаленно напоминают подпорные стенки» (с. 98). Резко отличается от нее Мордвиновская дорога, сооруженная в XIX в. и ведущая из с. Орлиного (бывш. Байдар) к Чертовой лестнице, — длина ее около 6 км, ширина — 6—6,5 м, ясно видны крепиды (рис. 5). Остается неясным время функционирования средневековой «дороги», а также вопрос о том, в какие центры она вела. На этот счет указания автора (и в данной статье, и в указанной брошюре) неопределены: о густой заселенности южного берега Крыма свидетельствуют, по его мнению, поселения «греко-византийской эпохи»; «средневековая керамика разнообразна и в основном типична для средневековых поселений и укреплений всего южного бережья» (с. 96; ср. 107, где также говорится о средневековье вообще). Но изолированные находки рядом с дорогой обломков разновременной керамики, даже античной (с. 101), мало что могут разъяснить.

Существенные данные могло бы дать исследование Исар-кая, связанного с дорогой (с. 101). Здесь сохранились остатки крепостных стен нерегулярной кладки, типичной не вообще для средневековья (с. 104), а для позднего средневековья (XIII—XIV вв., не раньше), чему не противоречит и характер известкового раствора, и простейшая церквушка (с. 105). Что касается керамики, то на этот счет в статье ничего определенного опять-таки не сказано, кроме того, что «равнесредневековых типов черепиц здесь почти не найдено», а «амфоры и кувшины... датируются VIII—X вв. и более поздним временем» (с. 106). Кстати сказать, в упомянутой брошюре («Чертова лестница», с. 55) керамика из Исар-кая отнесена к XII—XIV вв. Возможно, что такое заключение ближе к истине, но при полном отсутствии в статье воспроизведения самой керамики, судить о ней невозможно.

Следующие четыре статьи носят отчетно-информационный характер. Такова краткая заметка Ю. М. Скобелева об археологических разведках на г. Крестовой в Верхней Ореанде. На основании анализа керамики автор заключает, что поселение здесь возникло в VIII в. и просуществовало с перерывами до XIV в.

Статья К. К. Когонашвили и О. А. Михневой посвящена средневековой Фуне (у западного подножия горного массива Демерджи). В статье речь идет о поздней-

<sup>4</sup> Кстати, Эски-кермен, вопреки мнению автора (с. 81), в XIV в. уже не существовал. Как выяснил Н. И. Репников, город погиб в конце 1299 г.

<sup>5</sup> Фирсов Л. Чертова лестница. Симферополь, 1973.

средневековом укрепленном поселении с церковью, возникшем, судя по керамике, в конце XIII в. (с. 116). Первоначальную дату церкви авторы не называют, а перестройку ее относят к XVII—XVIII вв. (с. 117). Орнаментика здания (рис. 5), нам кажется, не противоречит такой дате. Авторы говорят при этом о «романских формах» и «сельджуцком стиле» (с. 117—118); в действительности же мы имеем дело с позднейшими реминисценциями крымской орнаментики. Наиболее важная часть статьи — публикация погребального комплекса второй половины VI в. из разграбленной могилы (с. 122—123). Этот материал, несомненно, очень важен для истории раннесредневековой Таврики и особенно его южнобережной полосы.

Коллективная статья Е. В. Веймарна, И. И. Лободы, И. С. Пиоро и М. Я. Чорефа излагает результаты археологических исследований столицы княжества Феодоро—Мангуца (с. 123—139). Добыт очень показательный материал: остатки храма (№ 5, с. 130, рис. 4), наос которого ориентирован с севера на юг, — такая планировка, отражающая греко-восточные традиции, характерна для средневековой общинной культовой архитектуры; важны массовые находки раннесредневекового керамического материала (амфоры с глубоким рифлением) под восточным обрывом Тешклибурун (с. 138, рис. 8).

Однако общее заключение авторов, что «Большой Мангуп» за пределами Тешкли-буруна возник только «после VIII в., а то и в начале IX в.» (с. 139) — после падения Эски-кермена (с. 125), в статье не обосновано. Этому выводу противоречит не только раннесредневековая керамика, но и куртина раннесредневековых крепостных стен, сохранившихся около древних ворот (в Капу-дере, под обрывом Тешкли-бурун), и недавно открытые части стен вдоль западного края Чамну-буруна, а также фрагмент надписи с именем Юстиниана<sup>6</sup>. Вернее признать одновременное существование в раннее средневековье обоих поселений-крепостей — и Мангуца, и Эски-кермена.

Статья М. А. Фронджуло «Раскопки в Судаке» (с. 139—150) посвящена итогам раскопок не только в самой крепости, но и на примыкающих к ней территориях. Эти раскопки дают совершенно новое представление о довенецианской и догенуэзской Сугдее — Солдае. В прибрежной части открыты остатки раннесредневековых (VI в.) укреплений, поселений VIII—IX вв., найден русский крест начала XIII в. (с. 144), изготовленный в Поднепровье и идентичный кресту, найденному в Херсоне, — он свидетельствует о пребывании здесь русских семей, спасавшихся от татарских погромов городов Киевской Руси и нашедших в Крыму убежище. Наконец, найден клад византийских монет императоров Михаила VIII, Андроника II и Андроника II совместно с Михаилом IX (монеты охватывают время с 1261 по 1320 г.) (с. 147), указывающих на определенное оживление торговых связей с Византией в то время. Из заключений автора отметим его тезис об «особой северо-причерноморской культуре», к которой относится и Сугдея, возможно, связанной с салтовской культурой (с. 150). Однако этот существенный тезис остался нераскрытым и неразъясненным.

Второй раздел книги содержит три статьи о Солхате и Кафе в период господства итальянцев (XIII—XV вв.). Лишь первая статья этого раздела, принадлежащая И. А. Баранову, посвящена более отдаленному прошлому — восстанию Иоанна Готского, т. е. событиям конца VIII в. (с. 151—162). Автор рисует новую картину истории южной Таврики в VIII—IX вв.

Первый тезис автора, однако, не нов: в VIII—IX вв. происходит «резкое изменение всей экономической, социальной и политической ситуации в Таврике» (с. 153). Имеется в виду экономический подъем края. Положение это иллюстрируют картосхемы Крыма в VI в. и в конце VIII в., наглядно подтверждающие наблюдения исследователя (с. 155). Автор пишет о возникновении «ряда замков, убежищ, укрепленных монастырей, торжищ...» (с. 154), о вновь выявленных поселениях VIII—X вв. (в том числе и пещерных), что существенно дополняет картину, которую дает изучение юго-западного Крыма<sup>7</sup>. Далее говорится об изу-

<sup>6</sup> *Лагышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России. — ИАК, вып. 65, 1948, с. 18—19.

<sup>7</sup> См.: *Яacobson А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, гл. I.

ченных на южном берегу Крыма десяти некрополях с плитовыми могилами. Этот несомненный экономический подъем автор связывает с «массовым переселением в Таврику из восточных областей Византии греков-иконопочитателей, гонимых иконоборческим правительством» (с. 153). Упомянутые некрополи с плитовыми могилами на южном берегу Крыма также возникли, по его мнению, «в результате наплыва иконопочитателей» (с. 154). Исходя из этого положения о «массовом переселении монахов», которое И. А. Баранов оставляет без всяких доказательств, автор рисует широкую картину деятельности вновь возникших (а вернее сказать — воображаемых) монастырей — и в экономической, и в социальной сферах (насаждение передовых методов хозяйствования, распространение «нового для Таврики экономического и социального уклада»); новоявленные монахи «могли способствовать уничтожению сложившегося при Юстиниане различия в экономическом и социальном развитии южнобережной и юго-западной Таврики» (с. 156).

Таким образом, весьма ощутимые экономические сдвиги в Таврике, начавшиеся в VIII в. и развивавшиеся в IX в., это подлинное возрождение обширного края, археологически прослеженное на территории всей южной части Крыма, начиная с Керченского полуострова, являлось, по утверждению И. А. Баранова, результатом деятельности монахов, бежавших из центральных областей Византии.

На чем основана эта концепция автора? Он пишет: «Об интенсивности иконопочитательской эмиграции в Крым из Малой Азии известно из византийской агнографии» (с. 156). В примечаниях к сказанному (прим. 31) перечисляются эти источники: жития Стефана Нового, Феодора Студита, Иосифа Песнописца, Иоанна Психаита, Стефана Сурожского, Иоанна Готского. Между тем, только в житии Стефана Нового говорится об одной из волн монашеской эмиграции «на северные склоны Эвксинского Понта»<sup>8</sup>, другие жития об этом умалчивают. В письмах Феодора Студита речь идет о внутренней борьбе среди монахов Таврики, а не о переселении их сюда. В житии Иоанна Готского говорится лишь об одном монастыре (Апостолов в Паргенитах), возникшем задолго до VIII в. В житии Иоанна Психаита упоминается только один монах-ремесленник (медник), работавший в Херсонесе (Херсонесе). Ничего не сказано о монашеской эмиграции в Таврику и в других названных автором житиях. Таким образом, представления И. А. Баранова о бегстве монахов в Северное Причерноморье оказываются весьма преувеличенными. Судить об интенсивности монашеской эмиграции в Таврику лишь по одному ее упоминанию едва ли возможно. «Интенсивность» эта вообще маловероятна: во-первых, монахи бежали отнюдь не только в Таврику, но и в Южную Италию (преимущественно именно туда), в Малую Азию (а не из Малой Азии, как сказано у автора на с. 156), в Сирию и Палестину, на Кипр; во-вторых, византийские монастыри, как известно, были большей частью немногочисленны; в-третьих, автору не удалось обнаружить остатки самих укрепленных монастырей (непонятно, почему изучаемые им укрепления автор считает именно монастырями) или хотя бы их перечислить. На карте (с. 155) отмечено 9 монастырей VIII в., но где доказательства того, что они возникли именно в то время? Чем можно аргументировать возникновение и существование монастырей в VIII в. в Сюрени, на Мангуше, Ласпи, Ай-Тодоре? Не обоснована не только датировка этих памятников, но и трактовка их в качестве монастырей, ибо наличие пещерной церкви среди других пещерных комплексов отнюдь не является достаточным признаком монастыря.

Таким образом И. А. Баранов сильно преувеличил приток монахов из Византии в Таврику и значение этого явления. Да и способна ли произвести резкие экономические и социальные перемены в жизни края такая бы то ни было монашеская иммиграция? Ведь речь идет не о нескольких монастырях (пусть даже десятках, хотя и это будет сильным преувеличением), а о сотнях новых поселений, возникших одно за другим, нередко на пепелище давно запустевших раннесредневековых поселений<sup>9</sup>. Монашеская иммиграция не могла иметь и не имела в этом

<sup>8</sup> *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Нового. — «Труды В. Г. Васильевского», II, вып. 2. СПб., 1912, с. 324—325; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, с. 38—39.

<sup>9</sup> См.: *Яacobson А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 74, 193.

процессе решающего значения. Гипотеза И. А. Баранова хотя и оригинальна, но совершенно произвольна. Подлинным «героем» всех экономических и социальных перемен, носителем новой культуры Таврики VIII—IX вв. могли быть не переселившиеся монахи, а новое явившееся сюда население — масса полукочевников, продвигавшихся из Хазарии в Таврику в VII и VIII вв. и всколыхнувших жизнь всей Таврики. Это были болгарские племена, вошедшие в контакт со старой местной эллинизированной культурой. Они, несомненно, испытали на себе ее сильное влияние, но и сами, в свою очередь, внесли в нее немало нового (едва ли можно думать, что монахи привезли в Таврику салтово-маяцкую керамику и выработали ее местные варианты), населили огромное количество вновь возникших сельских поселений, повсеместно открываемых археологами. Здесь не место возвращаться к этой большой проблеме, которой посвящены целые исследования, даже не упомянутые автором<sup>10</sup>.

Нельзя обойти и некоторые другие вопросы, как, например, вопрос о нахождении области Дори, которую некоторые археологи Крыма помещают на южном берегу полуострова, оставляя за ее пределами весь юго-западный Крым, т. е. область, наиболее насыщенную средневековыми поселениями, в том числе и ранне-средневековыми. О неубедительности новой локализации Дори нам уже приходилось писать<sup>11</sup>. Присоединяясь к взгляду о нахождении Дори в прибрежной полосе (с. 152), автор противоречит себе, подтверждая «отсутствие на южном берегу Крыма постоянно обитаемых сельских поселений дохазарского, иначе говоря — доиконоборческого, времени» (с. 153). Это действительно так. Но в таком случае выходит, что страна Дори в раннее средневековье была безлюдной. Не проще ли предположить, что эта область вовсе здесь и не находилась и что замечание Прокопия, будто Дори — страна прибрежная, надо понимать в самом общем смысле (ведь сам Прокопий в Таврике, как известно, не бывал).

Бросается в глаза и другое противоречие в статье И. А. Баранова. Справедливо говоря об экономическом оживлении Таврики в VIII—IX вв. и даже о появлении «этнически нового населения» (с. 154), автор неожиданно заявляет, что юго-западный Крым, «судя по археологическим данным, в VIII—X вв. пришел в упадок» (с. 162), а немного выше пишет, что ко второй половине VIII—первой половине IX в. «относятся следы пожарниц и разрушений в большинстве населенных пунктов предгорий и южнобережной Таврики» (с. 157; ср. с. 154 и картосхему, свидетельствующие об обратном). При этом автор говорит о разрушении Эски-кермена, Гурзуфской крепости, городищ Пампук-кая и Кыз-кермена именно в это время: «Тогда же замирает жизнь в сельских поселениях низовий рек и предгорий», — со ссылкой на мою работу («Средневековый Крым». Л., 1964, с. 34), хотя там утверждается обратное. На Пампук-кая и Кыз-кермене я сам вел раскопки и смею утверждать, что к VIII—IX вв. относится именно существование этих поселений, жизнь на них, а не их разрушение<sup>12</sup>. Таким образом, массовый археологический материал красноречиво свидетельствует о возрождении южной и юго-западной Таврики в VIII—IX вв. О Гурзуфской крепости О. И. Домбровский в рецензируемом сборнике (с. 11) говорит лишь, что первый период ее существования определяется керамикой V—VII вв. и что вплоть до X в. крепость вообще пустовала. О разрушении крепости в VIII—IX вв. в статье ничего не сказано.

Не более обоснованной представляется датировка гибели Эски-кермена в VIII в. Н. И. Репников<sup>13</sup> в свое время исходил при этом из очень неопределенного признака — появления «нового» типа пещерного храма, а также ссылаясь на слова греческого топарха, резиденцией которого, как он считал, был именно Эски-кермен. Но, во-первых, «Записка греческого топарха» относится к X в., а во-вторых, как

<sup>10</sup> Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон. М., 1958, (МИА, 62), с. 145—148; Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 190 слл.

<sup>11</sup> СА, 1971, № 3, с. 298—301.

<sup>12</sup> Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики, с. 103—111, 121—125. И. А. Баранов явно пренебрег опубликованным там материалом.

<sup>13</sup> ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, с. 209. (а не 181 слл., как у И. А. Баранова).

теперь признает большинство исследователей, к Таврике этот источник вообще не имеет отношения<sup>14</sup>. Археологические же данные, по Н. И. Репникову, дают лишь самое общее указание — «конец первого тысячелетия»<sup>15</sup>. Е. В. Веймарн датирует гибель Эски-кермена VIII веком по вещам из усыпальниц, возникших после разрушения стен<sup>16</sup>, следуя в этом отношении за весьма обобщенной датировкой Н. И. Репникова (VIII—IX вв.), но отмечает, что аналогичные вещи из усыпальниц Херсона сопровождаются относящимися к X в. монетами императора Романа I<sup>17</sup>. Таким образом, и дата гибели Эски-кермена в VIII в. отнюдь не определяется археологическим материалом.

Далее И. А. Баранов переходит к вопросу о роли хазар в Таврике и к восстанию против хазар, о котором говорится в житии Иоанна Готского (с. 159—162). По мнению автора, хазары господствовали в Таврике не только во второй половине VIII в., но и в первой половине IX в. (с. 158). Однако это неверно. Хазарское иго в Таврике было, в сущности, очень кратковременным: источники указывают лишь на вторую половину VII (вернее — на конец его) и на самое начало VIII в. (когда хазарские правители находились в Фанагории, на Боспоре, в Сугдее, Фуллах и, вероятно, в Доросе). В дальнейшем политический союз Византии и хазарского каганата, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике, продолжавшей оставаться византийским владением хотя бы номинально. Занятие хазарами Дороса в конце VIII в. также не может служить бесспорным указанием на ухудшение хазаро-византийских отношений потому, что власть Византии в Таврике к этому времени крайне ослабела и вряд ли вообще ощущалась. А в 30-х годах IX в. западные границы Хазарии находились, как известно, очень далеко от Таврики — на Дону, где византийцы построили для хазар их пограничную крепость Саркел.

Что касается жития Иоанна Готского, то мы встречаем в рецензируемой работе лишь совершенно произвольные рассуждения, которыми сопровождается изложение содержания памятника (например, рассуждение о двух политических автономных районах Готии — одним из которых управлял якобы Иоанн Готский, другим — «господин Готии» (с. 160)<sup>18</sup>.

Три последние статьи, как сказано выше, посвящены Солхату и Кафе в XIII—XV вв. Статья М. К. Старокадомской «Солхат и Кафа в XIII—XIV вв.» (с. 162—173) содержит материал по торговле с Солхатом (Сурхатом) кожами, мехами и шелком. Эта торговля, как убедительно показывает автор, была посреднической. Статья — В. В. Бодяна и А. М. Чипериса «Торговля Кафы в XIII—XV вв.» (с. 174—189) представляет собой общий обзор, основанный на неоднократно использованных источниках (свидетельства Рубрука, Контарини, Барбаро, Батуты, Пегалотти и др.). Некоторые заключения авторов — относительно непосредственных торговых сношений генуэзских купцов Кафы со Средней Азией, Индией и Китаем — спорны. Мнение автора предыдущей статьи (М. К. Старокадомской), отрицающей непосредственность таких связей (с. 172), нам представляется более убедительным. Наконец, содержательная статья Э. В. Даниловой «Кафа в начале второй половины XV в. (по документам „Codice“») (с. 189—214) основана на официальной переписке

<sup>14</sup> См., например: *Левченко М. В.* Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. («Записка греческого топарха»). — ВВ, IV, 1951, с. 63—68; *Артамонов М. И.* Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15, Этнография, Л., 1970, с. 31—32.

<sup>15</sup> ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, с. 209.

<sup>16</sup> *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-кермен. — В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 25—26.

<sup>17</sup> Там же, прим. 28.

<sup>18</sup> Ограничимся здесь только этим примером, а также оставим в стороне множество мелочей, как, например, именование А. А. Васильева «церковным историком» (с. 151), небрежное цитирование литературы (прим. 22 — с многочисленными опечатками, прим. 40 и 47 — не указано, где напечатаны статьи Е. Веймарна и О. Домбровского, прим. 50 — с ошибочной ссылкой на заметку А. Л. Якобсона: (неверное указание на страницы и отсутствие в заметке положений, на которые ссылается автор) и т. д.

правления банка св. Георгия в Генуе, в ведение которого в 1453 г. перешли все генуэзские колонии Причерноморья (центром их являлась Кафа), и правителями этих колоний. Переписка охватывает время с 1453 по 1475 г. и дает обширный материал для характеристики всех сторон жизни колоний, особенно Кафы. Представленный материал, интересно изложенный, безусловно, обогащает советскую литературу по истории позднесредневекового Крыма.

Отмеченные нами недостатки, однако, не умаляют большого значения самого материала по истории Таврики, публикуемого в сборнике «Феодальная Таврика», ценность которого благодаря этому несомненна.

*А. Л. Якобсон*

**В. А. Кузнецов. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, 245 с.**

В начале X в. на далекой северо-восточной периферии Византийской империи возникло новое политическое образование — Алания, на целых три столетия привлекавшее к себе внимание византийских политиков. В их расчетах Алании отводилась роль аванпоста в борьбе против давних врагов империи хазар, кочевавших в южнорусской степи печенегов и даже далеких от Алании дунайских болгар. В росписи придворного церемониала эксусиократор Алании занял место более почетное, чем правители Руси и Хазарии. Константинопольский патриархат начал в Алании усиленную пропаганду христианства. Вслед за его проповедниками в Аланию потянулись строители, творения которых до сих пор возвышаются в ущельях Верхней Кубани.

До последнего времени Алания не имела своей истории. Сравнительно небольшие очерки З. Н. Ванева и Б. В. Скитского лишь намечали контуры политической и социально-экономической жизни этой страны. Построенные на основании скудных данных письменных источников экскурсии в историю Алании и алан В. Ф. Миллера, Ю. А. Кулаковского, Б. Е. Деген-Ковалевского, М. И. Артамонова, В. Б. Ковалевской и ряда других авторов ни в коей мере не соответствовали тому значению, которое имеет исследование взаимоотношений Византийской империи и ее «варварской» периферии, и той роли, которую сыграла Алания в истории этнических общностей, населяющих области Большого Кавказа. Монография В. А. Кузнецова заполняет этот пробел в отечественной историографии. Она представляет собой полный исторический очерк Алании периода ее максимальной политической активности, глубоко и всесторонне вскрывающий существо социально-экономических процессов, происходивших в центральной части Северного Кавказа.

Монография состоит из четырех глав, краткого введения и заключения. Свое внимание автор концентрирует на проблеме развития феодализма у алан, поэтому основные разделы работы посвящаются анализу важнейших факторов, характеризующих степень зрелости социально-экономических отношений аланского этнического массива в X—XIII вв. Во II—IV главах исследуются уровень развития производительных сил (гл. II «Основы хозяйства»), экономическая и социальная значимость городов в жизни средневековой Алании (гл. III «Возникновение городов»), структура аланского общества и формы его политической организации (гл. IV «Общественный строй»). Первая глава монографии («Политическая история») содержит определение этнической территории аланского массива и очерк политической истории Алании. Эта глава вводит читателя в атмосферу сложных межэтнических взаимоотношений, возникших в прилегающих к Большому Кавказу областях вслед за падением влияния Хазарской державы на севере и усилением византийско-грузинских контактов на юге.

Изложение материала в I и IV главах строится преимущественно на основе письменных источников, привлекаемый для решения поставленных в них вопросов археологический материал играет здесь подсобную роль. II и III главы базируются на данных археологических изысканий. Помимо интересных выводов и наблюдений автора читатель находит в книге новую, значительную по объему информацию, важную для широкого круга историков, разрабатывающих проблемы социально-экономической истории Восточной Европы, Кавказа, Крыма, Балкан, Средиземноморья.